

Рыбарь

Юлия Зонис

Дом Птичницы сгорел. Куда делась сама Птичница, было непонятно, но Рыбарь предполагал, что она ушла в сны. Прикрыв глаза (и даже не прикрывая, а лишь прищурившись), он представлял себе искорки огня, которые проскакивали по оплывшему, раздавленному телу Птичницы. Первыми наверняка загорелись волосы, но Рыбарю почему-то казалось, что пламя пришло изо рта. Вот они, оранжевые, неуверенные язычки, лизнувшие десны и редкие зубы, затем перепрыгнувшие на верхнюю губу. Тут уж огню было раздолье: вся верхняя губа Птичницы поросла темными волосками — потому они и затрещали, скручиваясь от жара. Несколько горящих волосков упало на простыню, оттуда огонь перекинулся на ковровую дорожку, полинявшие от стирки оконные занавески, а там занялась и крыша. Крышу эту Рыбарь перести-

лал сам, таскал наверх связки тростника, укладывал его на деревянные жерди перекрытия. Тростник колот пальцы, Птичница стояла внизу и, задрвав голову, следила за работой. Теперь Птичница ушла в сны, и крышу придется перестилать заново. Для новой Птичницы.

Марина, Рина, Мурра, Рука, Рахель. Почему Рахель? Рахелью Ринку звала бабушка. Бабушка, бабушка... Ринка напряглась и тут же устало обмякла. Бабушка, какой бред, по каюте ходят зеленые ящеры! Один присел в углу на корточках, как человек, собравшийся справить нужду. Явственно потянуло какой-то гнилью, гадостью, болотным аммиачным духом. Ринка свесилась с койки, и ее вырвало.

Художник Е. Силлина

ФАНТАСТИКА

грязная тряпка, подумает сторож, старик, собирающий тут бутылки, кульки и прочую дрянь. Кряхтя, сторож нагнется, выловит парус и аккуратно сложит в урну. А если парус не влезет в урну, сторож запихнет его в специальный мешок и отвезет к выходу, куда каждое утро приезжает мусороуборочный грузовик. Грузчики, лениво матерясь, выкурят по третьей сигарете (первая — во время долгой стоянки у парка, вторая — за мостом у городского рынка) и закинут мешок в пахучую кучу утробы грузовика. А над мусоркой будут виться чайки, которым раз плюнуть пролететь пару километров над водой... Обидно тонуть у берега.

Рина нашарила очки в изголовье, махнула рукой присевшему на корточки ящеру и, шатаясь, дрожа, хватаясь за верхние койки, стала пробираться к трапу.

Дом никогда целиком не сгорает, и это хорошо. Не так уж много народу в поселке, чтобы заново все отстраивать. Занавески новые можно взять у Обойщика, ковровую дорожку у Бакалейщика. А стеклов в окнах все равно не было — в поселке не водилось стекло. Даже зеркала и те медные... Рыбарь не был уверен, что когда-нибудь видел стекло наяву. В снах — да, пожалуйста, сколько угодно: яркие прозрачные стекла витрин, тонированные стекла автомобилей, маленькие чердачные окошки — в них стекла были мутноватые, зато как ярко блестели они на закате! Были еще витражные стекла, цветные стекла, увеличительные, зеркальные и даже пуленепробиваемые, но они-то как раз интересовали Рыбаря меньше всего. Когда не надо было перестилать крышу или выбирать сети, он думал о стеклах. Больше всего ему хотелось заполучить настоящее стекло, хоть одно, хоть самое маленькое, но оказывалось, это невозможно — стекла оставались в снах. За неимением стекол Рыбарь собирал камешки. На закате он бродил по отмели, разгребая ногами залежи ракушек. Рядом тихо шипело море. Некоторые из найденных камешков очень напоминали стекло, когда лежали, блестя, среди белых ракушек. Но потом они высыхали, тускнели, и Рыбарь разочарованно зашвыривал их обратно в воду.

Когда солнце садилось, он шел в таверну. Обычно таверна пустовала, только ближе к ночи сюда заглядывал Смотритель маяка. Заходил вечерами и Бакалейщик, хотя вообще-то он предпочитал сидеть дома, проверять счета и любоваться своей коллекцией птичьих яиц. Бакалейщик не понимал Рыбаря.

— Если уж ты что-то собираешь, то собирай, а ты, Рыбарь, странный какой-то. Найдешь камешек — и тут же выбросишь. Хоть бы мне их отдавал, что ли.

Смотритель усмехался в усы, Рыбарь пил пиво и отмалчивался, а потом уж пора было отправляться на вечерний лов.

Но сегодня таверна была чуть ли не битком набита. Явился даже Волынщик, который обычно не забредал в поселок, предпочитая глухомань южной оконечности острова. Пили, гудели, но все украдкой нет-нет да и поглядывали на Рыбаря.

— Ты уж, Рыбарь, постарайся там. Че-нить получше найди. А то последняя-то Птичница... не того, — выговаривал Рыбарю Бакалейщик.

Рыбарь и сам знал, что последняя Птичница была не того, и неловко поежился.

Бам! Это удар ветра. Бам! Где-то наверху, на палубе, Димка и Ген сражаются с парусом, а мотор заглух давно уже, может, час назад, а может, год.

И — бам!.. Каюта подпрыгнула так, что Ринка скатилась с койки, едва не попав в лужу рвоты. И — плюх! Нет, это просто лодка протекает, это плещется вода. Почему в этом море вода такая чертовски соленая? А в каюте нельзя выпрямиться — как же второй ящер ухитряется стоять во весь рост, он же в два раза выше Ринки?

И — бам! Ветер? Как они там, наверху? И есть ли кто-нибудь наверху? Может, их давно смыло за борт, и парус хлопает на ветру, или парус тоже сорвало, унесло к берегу. Вот смешно — парус туда небось долетит, целехонький, или уже на излете плюхнется в море, и его вынесет к пляжу. К набережной. Что это за

— Помоложе, и чтоб, ну, глазастая. Не как у той: глаз из-за щек не видать, образина в окно не влазит. Поглазастей, и чтоб ноги, знаешь...

— Ага, — поддержал Обойщик, Бакалейщиков приятель. — Нет, ты бери, какую надо, но чтобы и смотреть на нее было приятно, а то ведь, знаешь, живешь вроде по соседству, окно в окно, можно сказать, ну и смотришь.

— Да и тебе же лучше, — осклабился Бакалейщик, приканчивая свое темное. — А то будет, как в прошлый раз.

Рыбарь нахмурился и отставил кружку. Ему показалось, что Бакалейщик и Обойщик понимающе перемигнулись у него за спиной.

В окно стукнул ветер, потянуло по ногам сквозняком, и Рыбарь понял — пора.

При свете электрического фонарика вода казалась черной, а волосы первой из найденных им — белыми. Женщина запуталась в сети, и уже по тому усилую, с которым Рыбарь тащил ее из воды, понятно стало: не та.

Она всплыла на поверхность как огромный пузырь, бока которого сдавлены крупными ячейками сети. Первая была так похожа на ушедшую в сны Птичницу, что у Рыбаря по спине побежали мурашки, а пальцы ног поджались. Вспомнились жара, солнце на затылке, колючий тростник и хозяйски-заботливый взгляд снизу. Нет уж!.. Он вывернул сеть в море. Лодка качнулась, и первая темным пятном ушла под воду. Только волосы еще белели недолго, а потом — чернота. Там, под лодкой, первая превратилась в толстую, крутобокую рыбину, ударила хвостом и скрылась в глубине.

Вторая, молодая брюнетка, оказалась хороша. Мокрая юбка облепила длинные ноги. Рыбарь уже почти решился взять ее, когда в соседней сети что-то блеснуло. Рука Рыбаря дрогнула, и длинноногая ушла в воду вслед за первой. Мурена, удивился Рыбарь. Поди ж ты. Длинноногая красotka превратилась в мурену.

Свет фонарика заплескал по воде и отразился в двух маленьких стеклах. Стекла украшали глаза девочки, запутавшейся в соседней сети, и, пока Рыбарь, дрожа, задыхаясь, но с величайшей осторожностью, тянул драгоценную добычу в лодку, он вспомнил: стекла называются очками.

«За-коп-чен-ный по-то-лок. Бом-бом-тили-бом, загорелся кош-кин дом... Мурра, кошку, наверное, звали Муркой. Почти как меня».

Когда Ринка очнулась в странном месте, была ночь. Над ней склонялись странные лица. Присмотревшись, Ринка поняла, что лицо всего одно и ничего странного в нем нет. Так, человек. Только небритый очень. Нет, бороды у него не было — лишь щетина. Трехдневная щетина, подумала Ринка. Он ленивый, ему просто лень бриться. Через два-три дня он посмотрит в зеркало, вспомнит, что не собирался отращивать бороду, и побреется. Бреется он наверняка ржавым лезвием, а может, и опасной бритвой, тоже ржавой и старой. И пену стряхивает в консервную банку из-под кильки в томатном соусе... Дальше Ринка додумать не успела, потому что небритый человек направил фонарик прямо ей в глаза и пришлось срочно закрываться ладонью от слепящего света.

Небритого человека звали Рыбарь. Другие люди рассказали ей назавтра, что он вытащил Ринку из моря. Чтобы она стала Птичницей. Вытащил, перенес в дом, оставшийся от старой Птичницы. Уложил на кровать и ослепил фонариком. И ушел. А Ринка заснула. И спала до утра. На острове все спали до утра. И только Рыбарь ночью не спал, рыбу ловил. Но все это ей рассказали потом.

А пока была ночь, и Ринка видела сон: как она протискивается наверх по трапу, а наверху рев, и грохот, и волна — огромная,

слепящая, холодная. Наверное, волна смысла ее с палубы, потому что следующее, что Ринка видит, — это черная вода качается взад-вперед перед глазами, растет горбами и ух — вниз, и кажется, что на этот-то раз точно не выплывешь, но Ринка все же выплывает, волна выталкивает ее наверх, на самом гребне она замечает белую звездочку и, задыхаясь, гребет к ней, и с каждым взмахом — о, счастье! — белая звезда разгорается все ярче и ярче. Утром Ринка узнает, что это вовсе не звезда, а островной маяк.

На острове очень жарко. В поселке почти нет деревьев, только дома с тростниковыми крышами, и дома почему-то не отбрасывают теней, будто над поселком вечный полдень.

Веснушки, думает Ринка. Веснушки и обгоревшая шея, а сметаны-то тут точно нет, смазать будет нечем. Во дворе копошатся куры. Кур надо кормить. Это первое, что ей сказали: она будет новой Птичницей, а Птичница должна кормить кур. Не резать и ощипывать, а только кормить. Не то чтоб Ринке очень хотелось резать кур, но ее собеседника (длинного дядьку звали Обойщиком, он жил в соседнем доме) эта мысль привела в ужас. Он замахал руками и чуть не свалился с крыльца. Крыльцо Обойщикова дома выходило как раз на окна Ринкиной спальни (то есть спальни Птичницы, мысленно поправилась Ринка), и круглый глаз Обойщика блестел в щели между занавесками, когда девушка проснулась. Обойщик вытягивал шею, как гусь. Гусей Ринка помнила с деревни, бабушка их откармливала. Обойщик вообще чрезвычайно походил на гуся, а вот Бакалейщик, к примеру, смахивал на бульдога.

Утром и в последующие дни Ринка узнала много новых вещей, и не только про кур. Взять хоть маяк. Маяк зажигался только на случай особого лова, когда Рыбарь уходил в море надолго и привозил людей. Еще ей рассказали про батарейки. И про Трактирщика. Но интереснее всего был все же маяк. Смотритель маяка любил пиво, доил над кружкой длинный ус, щурился и был неразговорчив. В ночи лова он тоже не спал, и Бакалейщик сообщил об этом со сдержанным презрением. Однако дольше всех не спал, конечно, Рыбарь.

Рыбарь вообще был убогим. Полезным, но убогим. Он очень часто не спал ночью, ловил рыбу или просто сидел на берегу. Трактирщик, упомянув об этом, возмущенно фыркнул, и Ринке пришлось стирать со щeki пивную пену. Ей-то Рыбарь как раз понравился. Уж всяко больше, чем толстый Бакалейщик.

А Бакалейщик поучал. Задрав палец или постукивая им по столешнице для пушней убедительности, он говорил:

— Сны — это наше главное. То, считай, ради чего мы здесь. О!

Лучшим экспертом по снам считался Трактирщик, но он, увы, просыпался так редко, что ничего не мог рассказать Ринке. Лежал бревном где-то в задней комнате, и временами сквозь стенку доносился его храп. Поэтому посетители таверны сами поднимались, доливали себе пива, и Бакалейщик курсировал между стойкой и столиком чаще других. Ринке, конечно, пива не полагалось. Она с завистью наблюдала за Бакалейщиком и слушала его речь.

— Сны! — Толстяк закатывал глаза, и в его серых радужках отражались серые занавески. — Да на наших снах, почитай, весь мир держится!

Бакалейщик стучал кулаком по столу и опрокидывал в рот кружку. Вечно спящий Трактирщик подтверждал его слова особенно громким храпом.

Как бы то ни было, на острове жили люди. Значит, и Ринке надо было жить.

— Она кур не кормит!

Рыбарь зашел в таверну перед ночным ловом. Неловко свалив у двери новую сеть, он пробрался к стойке. Слова Обойщика заставили его поморщиться.

— То-то и оно. Кормит их, но неправильно. Куры, они голодные по двору ходят, ко мне в огород лазят.

— Куры! Что мне твои куры! — Бакалейщик попытался горько вздохнуть, но подавился пивом, закашлялся, обрызгав вытянувшего шею Обойщика. — Заходит она ко мне вчера в лавку, и цоп — шарф. Хороший, белый шарф, я специально положил его отдельно от цветного. Цоп — и себе на голову наворачивает. Мол, у вас тут такая жара, буду ходить в этом... как его, в тюрбане. Нет, ну ты видел, чтобы кто-то в тюрбане у нас ходил? Вон, Волынщика спроси. Небось и он, гулена, такого отродясь не видал. А она повертелась так-сяк перед зеркалом, и будь здоров! А в другой раз я смотрю — она к моей коллекции птичьих яиц подбегается. Глазки уже так и горят, так и горят. Еле ее спровадил.

Бакалейщик шумно вздохнул, подпер кружкой щеку. Обойщик оглянулся через плечо, перегнулся через стол и громко зашептал:

— Мне Смотритель вчера говорил: она на маяк хотела залезть.

— Ну?

— Вот тебе и ну. Говорила, хочет оттуда смотреть на море. За Стену заглянуть хочет.

Бакалейщик поперхнулся пивом. Рыбарь, до этого старавшийся не замечать шепота, прислушался.

Всякому известно, что с маяка можно смотреть только на южную глухомань, а там и нет ничего, одни болотные огоньки перемигиваются. Да и те разве что по ночам. Волынщик, правда, утверждал, что на острове есть и другие деревни. Волынщик был заодно и разносчиком, и в доказательство своих слов при-таскивал иногда из странствий диковинную посуду и медные колокольчики, которых в их поселке никогда не водилось. Рыбарь думал порой о том, что неплохо бы обогнуть остров на лодке да и посмотреть, что же все-таки там, за черными скалами. Но становилось боязно. Заплывешь — не вернешься. По суше оно, конечно, надежней, но Рыбарь не любил сушу. Можно было иногда подниматься на маяк, смотреть на болотные огоньки, на туманы, ползущие из глубины острова. Но смотреть на море? За Стену? Рыбарь помотал головой, осушил свою кружку и направился к выходу.

Уже на пороге он расслышал шипение Обойщика:

— А еще я видел, как она себе пива налила. Подошла и налила...

Медленный прибой, медленный, отороченный белым, ворочавший гальку...

Рыбарь любил эти ночные часы. Знал, что в поселке побаиваются ночного моря. А его, Рыбаря, и вовсе за человека не считают. Если человек — и спи ночью, не таскайся по берегу!.. Все знал, но все-таки не мог удержаться. К тому же в предрассветные часы в сети шло много правильной рыбы, а рыбу в поселке любили. Рыбарю же нравилось одиночество. Вот ведь странно — зачем он вообще ходит в таверну, слушает бурчание Бакалейщика, глядит на поникшие пивные усы Смотрителя? Когда Рыбарь выходил ночью на берег, ему казалось, что он уже не вернется в поселок. А однажды...

Небольшая тень поднялась с галечной кучи, качнулась к Рыбарю. Он отшатнулся, но тут же вздохнул с облегчением, узнав девочку в очках. Ринку. Очков сейчас не было видно.

— Ты почему не спишь?

Голос его был глухой, будто заржавленный: Рыбарь ведь говорил редко. Но девочка не испугалась. Подошла и попросила:

— Возьми меня с собой.

И сразу стало понятно, что она хочет сбежать. Но Рыбарь ничего не сказал. Только мотнул головой — мол, садись в лодку. Девчонка, кажется, обрадовалась, заспешила к воде. И как видит в этой темнотище?

Сильно пахло рыбой. Рыбарь умел различать запах рыбьих косяков под водой, упрямое, бессмысленное на первый взгляд

ФАНТАСТИКА

движение, поворот, уход в глубину, под сеть. И все же сеть затрепетала, забилась изрядным количеством правильной рыбы. Рыбарь почти научился видеть в темноте без фонарика, но сейчас включил его для Ринки: девчонке любопытно взглянуть на длинные, сильные тела, на тупорылые головы. Рыбы было много, и почти вся — правильная.

Ринка внимательно наблюдала за его руками, выпутывающими из сети несколько неправильных рыбин.

— По-моему, это морской окунь. Его едят.

Рыбарь покачал головой, швырнул окуня в воду, потянул следующего.

— Рыбарь, почему ночью все должны спать?

Он задумался, потому что плохо умел объяснять, у Бакалейщика это выходило вполне внятно. К тому же сам частенько видел неправильные сны. Лучше уж валандаться в море, чем видеть неправильные сны — так говорил Бакалейщик.

— Что такое Стена? Почему с маяка нельзя смотреть на море?

В голосе девочки звучало нетерпение. Такие вот и уходят в сны. Сначала видят неправильные сны, а затем уходят. Рыбарю, совсем уж некстати, вспомнилась старая Птичница, и на душе сделалось мутрно.

— Если мы сейчас поплывем все дальше от берега, дальше и дальше, что будет?

Рыбарь упорно выбирал из сети неправильную рыбину. Дурацкий окунь запутался колючками плавников, бился — Рыбарь об него уже все пальцы исколол. Окунь открывал рот, глотал бесполезный для него воздух, и казалось, что если он сейчас попытается ответить, беззвучно открывая и закрывая рот, то его огреют веслом и швырнут, оглушенного, в воду.

— Стена, — глухо произнес Рыбарь, оттирая от чешуи пальцы, — это Стена рассвета. Вплывешь в нее — сгоришь.

Девчонка будто не услышала. Взяла окуня из рук Рыбаря, кинула на дно лодки к остальной рыбе.

— Мы его зажарим. — В ее голосе звучала уверенность...

Неправильная рыба шипела на углях, а сверху палило солнце. Рыбарь подумал, что в чем-то Ринка права — солнце здесь и правда необычайно жаркое. Такое жаркое, что через два часа после рассвета Ринке удалось развести костер, просто наставив свои стеклышки на кучку сухих веток и поймав солнечный луч. Хотя с чем сравнивать?

Ринка будто угадала его мысли.

— Вот этот шрам, — она ткнула пальцем в белый рубец на руке Рыбаря, след от когда-то впившегося в мякоть крючка, — спорю, он появился уже на острове.

Рыбарь мельком взглянул на свою ладонь. Странно. Хотя точно помнил то время, когда шрама не было. А сейчас шрам — вот он, по нему можно провести пальцем. Если как следует напрячься, то вспомнится и другое: большие города, набережные, высокие белые здания, ослепительные стекла витрин. Или портовые краны, или небольшие домишки на скалах, или, к примеру, один маленький домик на горе. К морю от этого домика нужно было спускаться кривыми улочками, где из-за глинобитных изгородей тянули ветки персики и миндаль. Дом вспоминался чаще всего, но стоило всмотреться попристальней — и сразу наплывало какое-то поле, потом каналы, топкие берега грязной, ши-

ФАНТАСТИКА

рокой реки. В конце концов, это могло быть сном, одним из многих снов, на которых держится мир. Там, за Стеной. Рыбаря удивляло, как мир может держаться на такой ненадежной вещи, как чьи-то сны. И все же другого объяснения не было, и следовало уважать Бакалейщика, сновидящего много, плодотворно и, главное, правильно. А Рыбарь не заслуживал уважения. Хрупкой реальности снов он предпочитал явления простые, надежные: море, прилив, костерок, жарящаяся на углях рыба, солнце, пекущее затылок.

Рыба, кстати, уже изжарилась. Рыбарь недоверчиво наблюдал, как Ринка потянула ее за обуглившийся хвост, счистила палочкой угольки, надкусила — и сморщилась. Рыбарь хотел уж кинуться на помощь (ведь рыба-то неправильная!), но Ринка выплюнула кусочек, высунула обожженный язык и пожаловалась:

— Подгорела. И несоленая.

Сову Ринка нашла сразу за поселком. Сова казалась комочком глины, налепленным на ветку сухого дерева. Только широко раскрывшиеся лунные глаза выдали в сером шарике птицу. Ринка восторженно взвизгнула и схватила сову. Та немедленно впиалась ей в руку острыми коготками и уже примерилась долбануть клювом, когда Ринка ловко накинула на нее тюрбан.

Ошеломленную птицу она притащила домой и поселила на полке. Рыбарь носил для совы свежую рыбу, но поглядывал при этом неодобрительно. Станный он, Рыбарь, думала Ринка. Вот ведь нравится ему сова, а ни за что не похвалит.

Ночью сова с довольным уханьем вылетала в окно, а Ринка сидела на пороге, дожидаясь ее возвращения и вспоминала бабушку. Бабушка тоже как-то нашла сову, принесла к ним с мамой. Мама отказывалась кормить совенка, поскольку тот больно клевался и драл руку когтями. Так что птицу пришлось отпустить. Иногда Ринке казалось, что тот соенок вырос и теперь нашел ее на острове. Птицы ведь не люди — что им какая-то дурацкая Стена!.. Ринка сидела на крыльце, вспоминала бабушку, ветер перебирал ее волосы, а из-за занавески соседнего дома тарачился круглый глаз Обойщика. Обойщик думал о курах.

Пощечина оказалась последней каплей. До этого были: некормленные куры, неправильные сны, коллекция Бакалейщика (девочка все же добралась до нее и нагло заявила, что все яйца в ней — куриные), маяк, ночные прогулки и пиво. И пойманная сова. И кровати. И похищение батареек. Но пощечина переполнила чашу поселкового терпения.

Пощечину Ринка влепила Волынщику. Сейчас неудачливого ухажера отпаивали в таверне темным. Задыхаясь от возмущения и брызжа во все стороны пеной, он орал:

— Никогда, ни одна!.. Птичница! Даже эта тупая старуха, которая в Рыбаря вторилась, — и то! Да у меня в южных поселках такие были! А эта... малявка! Дрянная!

Народ сочувственно поддакивал. Да, Птичницу, что и говорить, Рыбарь добыл куда не годную.

Рыбарь переминался у стойки, слушал залихватистый храп Трактирщика. Слушал возмущенный ор Волынщика и сочувственные возгласы. Надо было что-то сделать. Например, подойти и дать

Волынщику в зубы. Рыбарь сжал кулак, посмотрел на него: ну, костлявый кулак, но заткнуть Волынщика можно и таким. В глубине, на сгибе ладони, Рыбарь чувствовал шрам. Тот самый, до которого дотронулась девочка со стеклами. Если бы Волынщик носил такие стекла, этим вечером они наверняка бы разбились...

Бакалейщик поймал Рыбаря на выходе из таверны, на ступеньках. Топот за спиной, сопение, пивной дух, и вот уже жирная рука надежно ухватила Рыбаря за сгиб локтя.

— Ты это куда пошел?

Голос вкрадчивый, дребезжащий, как будто Бакалейщик не был уверен, что его руку сейчас не стряхнут. Рыбарь и стряхнул, да так и не обернулся.

— Ты это, того, — дребезжал за спиной Бакалейщик. — Ты же ее привез, тебе и разобраться надо.

Рыбарь зашагал прочь. А Бакалейщик завизжал ему вслед:

— Ты что? Думаешь, мы не знаем, кто старой Птичнице угольку подпустил? Сны, ха-ха, в сны она ушла! Знаем мы эти сны! С той сумел разобраться — ну и с этой давай, а то мы и сами.

Рыбарь развернулся и плюнул ему под ноги.

Дом загорается не сразу, неохотно. У дома больные, старые кости, продутые ветром, у дома крыша, выложенная сухим тростником, и кажется, стоит вспыхнуть одной искорке — запылает вся постройка. Но дом устал. Он не хочет гореть. Он хочет скрипеть на ветру, расправлять плечи при мокрому бризе, ежиться под укусами солнца, прячась под худую тростниковую шляпу. А гореть ему вовсе ни к чему, он уже горел однажды. Но вот солнечный луч ударяет в стекло, и между стеблей тростника начинает плясать бледный огонек. В пожар он превратится не скоро, но все же старому дому не устоять.

— Почему ты не хочешь попробовать? Ну помнишь, ты же съел того окуня? И ничего не случилось. Сны, Стена... Это же просто глупости!

Глупости, ага. Надо напомнить ей, чтобы сняла этот дурацкий тюрбан: в темноте он будет слишком заметен.

— Они тебя тут заклюют. Ну пожалуйста, поехали со мной! Я обещаю, ничего плохого не случится. Надо просто грести и грести. — Всхлип, а потом: — Ты присмотришь за моей совой?..

Дом горел. На сей раз он поддался огню окончательно. Горела тростниковая крыша и проваливалась сама в себя, а ветер разносил уголья. Все поселковые сбежались и заваливали пламя землей, чтобы не загорелись соседние дома.

Этой ночью никто не спал. Не спал испуганный Обойщик — вытягивал длинную шею, моргая, глядел на пожарище. Не спал Смотритель, усы которого наконец-то высохли благодаря жару. Не спал Волынщик — он как раз собирался назавтра уходить из поселка в свою глухомань, но придется ему задержаться: ведь отстраивать новый дом — дело непростое. Не спал, конечно, Бакалейщик, шурил на пламя довольные глазки. Не спал и Рыбарь. Он стоял чуть в стороне, так что огонь освещал его сбоку, и казался он плоской рыбиной, вырезанной из жести. Рыбарь смотрел на горящую крышу и думал, что ему вовсе не хочется перестилать ее заново.

Когда он понял это окончательно, то отвернулся от пожарища и стал смотреть на море. В руке он сжимал подаренные стеклышки, и казалось Рыбарю, что, если нацепить эти стекла, он увидит далеко в море лодку. В лодке будет сидеть Ринка, шуричься подслеповато на далекое пожарище — красный огонек, превращающийся в красную звездочку, красную точку. Ринка будет грести, как учили ее Димка и Ген, как учил ее он, Рыбарь, — широкими, уверенными гребками. Она будет грести и грести, грести и грести, прямо в алую стену рассвета. А впереди будет лететь улизнувшая от Рыбаря сова.

